

Алтат. Такое знакомое слово... С раннего детства я слышала его от своих родителей, но не знала, что вложено в это название, не понимала истинного его значения в судьбе мамы и папы. И вот теперь, спустя полвека, счастливый случай (а может, судьба?) привёл меня в это старинное сибирское село, что дало начало рождению моей семьи. Сюда, к своим родителям, около восьмидесяти лет назад из соседней деревни Малая Кеть папа привёз молодую жену — мою будущую маму. Здесь родился старший брат Вениамин, названный редким для того времени именем...

И вот я у тебя в гостях, Алтат! Мне приходилось проезжать на поездах или в автобусах мимо украинских сёл с игрушечными белыми хатками в зелени садов, по Закарпатья, по такой маленькой и чистой Прибалтике, как журналист объехала много населённых пунктов Енисейского района, но нигде я не испытала этого чувства внутреннего восторга и полного единения с Природой, с Родиной, с Россией.

Живописнейшие места... леса, перелески, поля. Узкая грунтовая дорога привела кроваво-красную «Ауди», на которой мой двоюродный брат Василий проехал из Германии через всю Россию в Сибирь, в Красноярский край — прямо в село Алтат. Центральная улица Советская, куда мы въехали, расположена в подгорной части села. Потом я несколько раз прошлась по этой улочке и с удовольствием назвала бы её Русской, Сибирской или, как раньше, Троицкой. Почти все сохранившиеся здесь с советских ещё времён строения — шоколадно-коричневого оттенка. Что-то щемящее исходит от старых полуразвалившихся изб с забитыми окошками, от полуистлевших резных карнизов, от крапивы и бурьяна, вымахавших на благодатной земле в рост человека, а местами почти закрывающих почерневшие заборы и тесовые ворота. И как видение — неспешной рысцой проплыли мимо две кобылы с жеребёнком, взбивая копытами лёгкое облачко пыли...

А вот на улице Школьной, что на горе, и правда есть школа, неподалёку — детский сад (жаль, что сейчас он не работает), небольшие здания с пустыми глазницами окон — бывшая совхозная контора и бывший смешанный (продуктовый и промтоварный) магазин, а ещё — десяток стандартных двухквартирных домов образца семидесятых годов прошлого века. И как картинка из прошлой жизни — четыре чудом сохранившихся старинных домика, стоящих на краю холма, с видом на некогда чудную речку Алтат. Сейчас речка обмелела, местами сузилась до ручья, заросла осокой, причудливо изгибаясь, как ласковая колдунья, уводит в заросли черёмухи и тальника, а через пару километров отдаёт свои жёлто-зелёные воды другой речке — Малая Кеть.

Над Алтатом, устало прогнувшись, облокотившись толстенными листвяжными столбами в берега, застыл мост. Ему лет полста; старики говорят, что, возможно, и больше... Прямо с высоты, удобно устроившись на чурках, заядлые рыбаки дёргают из мутной воды ельчиков, окуньков и даже щурят. Мой двоюродный брат по линии папы, приехавший на свою малую родину из Германии и уговоривший меня

Над речкой, устало прогнувшись, застыл мост

хоть раз в жизни посетить родные места отцов и дедов, вспоминает, как пацаном он прыгал с перил этого моста в тёмную глубину Алтата...

Мост ещё крепок, только настил из брёвен и здоровенных плах, побитых гусеницами тракторов, поистлел, местами проломился, а ремонтировать некому, да и незачем, необходимости особой нет: по ту сторону моста уже нет деревень — ни Малой Кети, ни Менделя, ни Сосновки, через которые шла дорога в некогда районный центр Бирилюссы. Теперь Алтат — Пировского района. И, слава Богу, живёт село, здравствует, и вот уже Алтатский сельсовет торжественно отметил своё девяностолетие...

Сам Алтат, вернее, сельчане изо всех сил обустроятся по-современному. Во многих старых домах живут до сих пор, обивая потемневшие брёвна вагонкой и сайдингом, ремонтируя и подкрашивая ставни и наличники, меняя ворота... Но трогательная старина всё равно проглядывает в изгибах крыш, в крашенных резных карнизах, в переплётках оконных рам (там, где ещё не успели заменить на пластик), в осевших кое-где на треть дощатых заборах...

Заброшенных домов, когда-то крепких, срубленных из «живого дерева» столетие назад, а то и больше, в селе десятки. Брёвна, сложенные «в лапу», диаметром до тридцати сантиметров, красноречиво свидетельствуют, что строилось жильё добротно, на века. По-сибирски небольшие окошки вырубались высоко, метра на полтора от земли, и даже теперь, когда покосившаяся изба на два-три венца ушла в землю, приподнимаюсь на цыпочки, чтобы через щели между досками и мутные стёкла заглянуть внутрь... Кое-где ещё стоят полуразрушенные русские печи, лавки, столы. Продравшись с братом через заросли крапивы, обжигаясь и повизгивая, удалось по расшатанным и выбитым ступенькам подняться на некогда высокое крыльцо и войти в сорванную дверь: кирзовый сапог у порога, разбросанные кирпичи, в потолке кольцо от зыбки-колыбельки, в переднем углу, на полочке, деревянная, в паутине, икона. Изображения не видно, только через копоть и черноту смутно угадываются очертания образа. Потянувшаяся рука, дрогнув, опустилась...

Дома, где родились, жили, воспитывали детей и внуков, где умерли отцы и деды, просто бросили, оставили — не думаю, что без жалости и сердечной боли. Причин тому немало, и так досадно, что умирают старинные сибирские сёла. Давно нет Малой Кети, где родилась мама, от неё до Алтата двадцать два километра, но дорога окончательно заросла тальником. Когда-то сказочно красивая деревня, с богатыми пятистенными избами из толстой лиственницы, опустела, шальной огонь сожрал всё, что могло сгореть, даже кресты на погосте. До Селивановки (там родился папа) всего семнадцать километров, но и туда не добраться ни на мотоцикле, ни на тракторе — сгнили мостики через речушки и ручьи, болотина захватила сушу. Да и деревни теперь тоже нет...

Жестоко обошлось время и с другими деревушками некогда большого Алтатского сельсовета — Паршуковкой, Замараевкой, Сосновкой, Михайловкой, Придорожным (с ударением на первом слог).

...В свой первый приезд в Алтат я познакомилась с престарелой четой Селивановых, проживших здесь бок о бок, почитай, шестьдесят лет. Я всё пыталась вызнать, помнят ли они других Селивановых — Павла Степановича и Евдинью Ивановну (родителей мамы): может, они дальние родственники или однофамильцы? Да где там! Селивановы, Матвеевы, Ершovy, Толстихины, Паршуковы — это коренные алтатцы. На обелиске, установленном на сельском кладбище, выбиты имена земляков, не вернувшихся с Великой Отечественной войны: по десять-семнадцать Толстихиных да Селивановых в этом скорбном, более сотни, списке.

Здесь, на кладбище, брат Василий сразу же нашёл могилу своего отца — младшего брата папы Алексея и моего дяди, прошедшего войну и умершего ещё не старым в начале шестидесятых годов. Он покоится рядом с бабушкой Марией — матерью наших отцов. Мы почистили от травы могилку, поправили крест, покрасили оградку. А потом, взволнованные и уставшие, пошли к речке. Брат — на мост, потешить душу воспоминаниями детства, посмотреть на

рыбаков; я же побрела по зарослям вдоль берега, а потом просто упала в мягкую постель из душистых трав (видимо, когда-то здесь было старое русло) и неотрывно смотрела в высокое нежно-голубое небо: ни ветерка, ни комарика, будто и не Сибирь вовсе. И такое блаженство, такая благодать охватили меня, что это состояние души я никогда уже не забуду.

Возвращались мы вечером, словно обновлённые, в дом Иваковых — Анатолия Алексеевича и Тамары Михайловны. Оказывается, хозяйка дома — директор местной школы — дальняя родственница Добринских (это фамилия моего отца). Что удивительно, брат Василий хоть и живёт в Германии, но время от времени наезжает на свою малую родину — в Алтат, помнит и других родственников, теперь уже ушедших из жизни. Неожиданно в самом конце улицы Советской он вдруг остановился около старого заброшенного дома: «А вот здесь я родился...» Стыдно мне было, если честно, за то, что, живя совсем недалеко, в сотне-другой километров, никогда не задумывалась о том, что именно здесь мои корни, здесь родина моих родителей...

Вернулся я на родину

Но другие чувства — благодарности судьбе, родителям, этому высокому синему небу, старым почерневшим домам, чудной таинственной речке, этим людям, моим землякам, сохранившим любовь к своей земле, к отеческим гробам (как бы высокопарно это ни звучало!), — наполнили всё моё существо...

...В декабре 2014 года Алтатский сельсовет отмечал своё девяностолетие. В далёком 1924 году в его состав входило около двух десятков деревень. Сейчас географические рамки заметно сузились, но живёт Алтат, живёт! И праздник юбилейный удался на славу! Районная власть присвоила звания «почётный гражданин сельсовета» самым знатным людям села, внёсшим заметный вклад в его развитие: это бывший председатель сельсовета Зоя Егоровна Козлова, труженицы тыла — старожилы Зоя Иосифовна Семякина и Мария Фёдоровна Селиванова, та самая Мария Фёдоровна, которую я десять лет назад фотографировала с братом и снохой в окошке ещё крепкого тогда дома... Марии Фёдоровне уже восемьдесят пять лет, она искренне недоумевала: «За что? Таких, как я, половина села!» В числе получивших звание почётного гражданина сельсовета — и старый знакомый, ветеран совхоза Анатолий Алексеевич Иваков, муж моей родственницы Тамары Михайловны; кстати, она тоже в этом почётном списке: двадцать пять лет Тамара Михайловна — директор сельской школы и учитель русского языка и литературы.

«Нынче в школе всего семь учеников с первого по девятый класс,— сокрушается моя собеседница,— и пять педагогов, но зато каких! Наш педагогический коллектив награждён почётной грамотой администрации Пировского района за воспитание достойной смены. Из-за того, что был закрыт детский сад, школа приняла на себя кратковременное пребывание малышей в отдельной группе. Выпускники основной школы получают среднее образование в районном центре Пировском или в Большой Мурте, а средне-специальное и высшее — в Лесосибирске, Енисейске, Красноярске, Новосибирске». Дети Иваковых — сын Владислав и дочь Юлия — окончили Красноярский аграрный

университет: сын по профессии эколог, живёт неподалёку — в Пировском, а дочь получила второе высшее образование в Московском психолого-социальном институте, работает в отделе образования Емельяновского района.

И, как бы извиняясь за решение своих детей, Тамара Михайловна рассказывает о бывших выпускниках, вернувшихся после учёбы в родное село: «Виктория Семякина, приехав, сразу включилась в общественную жизнь — сейчас она художественный руководитель в сельском клубе. Завклубом Елена Николаевна Хрусталёва и библиотекарь Наталья Анатольевна Замбер — приезжие, но вышли замуж за местных парней и уже около тридцати лет работают в селе, несут культуру подрастающему поколению. В нашем коллективе у учителя технологии Жанны Владимировны и её мужа, оператора электродвигателей Анатолия Николаевича Семякина, вернулся в село сын Тимур, привёз молодую жену, теперь Валентина Николаевна — фельдшер в медпункте. Потянуло на родину и Грету Михайловну Тарасюк — дочь бывшего директора совхоза Михаила Ивановича Шалака, работает она учителем начальных классов. Вот на таких людях, любящих свою родную землю, село и держится!»

И хотя канул в Лету некогда крепкий совхоз, распалась артель, местное население занимается натуральным хозяйством — разведением скота, пчеловодством, за короткое сибирское лето умудряясь обеспечить семью рыбой, мясом, орехами, грибами да ягодами, картошкой да прочими овощами со своего огорода, животину — сеном да зерном. Благо, при распаде совхоза и дележе имущества у каждого пайщика осталась кой-какая техника, она, старая, постоянно ремонтируемая, но всё ещё действующая в умелых руках, стоит на огородах и около домов: трактора, плуги, бороны, сеялки, косилки...

Глава сельской администрации Тамара Васильевна (в девичестве Матвеева) уже давно местная: несколько лет назад она, уроженка деревни Николаевка, приехала в Алтат, вышла замуж за местного парня — Ивана Егоровича Селиванова, да так и прижилась. Это её усилиями налажено автобусное сообщение с районным центром, в магазине

всегда необходимый ассортимент продуктов и товаров. За это отвечает сын Тамары Васильевны Пётр, живёт он в Красноярске, а на выходные приезжает в Алтат, привозит на своей машине товар. Население довольно: цен за пределами в торговой точке нет, знает земляк, как достаётся копейка сельскому жителю...

Пока в селе есть школа, есть ученики, пока возвращается сюда молодёжь после учёбы в городе — село будет жить! Этим озабочена директор местной школы, такая милая женщина, внешне совсем не похожая на сельчанку, — Тамара Михайловна Ивакова, родившаяся в Алтате, учившаяся в этой школе, а после окончания филологического факультета Лесосибирского педагогического института вернувшаяся на свою малую родину для того, чтобы родное село продолжало жить!

Алтат — Лесосибирск — Красноярск